

ОБЗОР ПРЕССЫ

Реформа РАН: кто как ее видит

ФАНО занялось наукой, а за РАН осталось только экспертное мнение

Из интервью с академиком В. Черешневым, главой Комитета Госдумы по науке и наукоёмким технологиям.

5 мая премьер-министр Д. Медведев утвердил схему управления имуществом реформированной РАН. Согласно схеме, Сибирское территориальное управление ФАНО будет находиться в Новосибирске, Уральское — в Екатеринбурге, а Дальневосточное — во Владивостоке. В регионах учёные давно ждали формирования филиалов нового агентства, поскольку многие хозяйственные вопросы, которые до реформы находились в ведении РАН, теперь «подвисли». Пока освобождение учёных от «хозяйственного бремени» идёт неспешно, а вот в научный процесс ФАНО вмешивается уже весьма активно.

В первую очередь должны быть чётко расписаны взаимоотношения между региональными отделениями и ФАНО. А этого пока не сделано. Кто за что отвечает, какова сфера интересов каждого, и как будут президиумы региональных отделений взаимодействовать с отделениями — это очень важно. Ведь у нас остались только Президиум Академии наук и три региональных отделения, потому что региональные центры забрали в ФАНО. Первого апреля уволили две трети сотрудников президиумов региональных отделений, а симметричных структурных и кадровых решений по ФАНО как не было, так и нет.

Нас сейчас интересует конкретная работа. Например, сейчас у нас подвисли все научные журналы. Статьи-то расходной в ФАНО на поддержку печати нет, и издательские отделы в региональных отделениях расформировали. Интересно также, кто будет отвечать за строительство, где велика доля оперативных финансовых действий. Ведь в регионах очень много инвестиционных проектов, среди которых жильё для молодых учёных.

Ливанов обещал сделать Академию наук клубом учёных и сделал. Основная функция учёных из Академии наук теперь — прогноз и экспертная функция, пусть и записано везде, где можно, что должна проводиться и научно-методическая работа вместе с ФАНО. Но на практике эта работа оказывается невозможной. Ведь теперь ФАНО даёт задания, ФАНО финансирует институты. Это уже происходит. В документах по реформе было специально отмечено, что никакое научное задание для институтов не утверждается без Президиума Академии наук, а мы видим, что ФАНО уже распределило все деньги по институтам (хоть и в том же объёме), но в Президиум никаких документов не поступало. Поэтому если посмотреть грубо — Академия действительно клуб. Вот на днях сядем и обсудим проблему развития биотехнологий в стране — вот и вся работа...

А у института уже свое задание от ФАНО, которое, в отличие от нашего, профинансировано. Как мы должны обращаться в институты? На основе хоздоговора или как ещё? Кто будет финансировать эти «прогностические работы»? Мы должны предельно конкретно и профессионально, академически давать оценки. Или вы хотите, чтобы Президиум собрался и просто поговорил о том, какой прогноз дать и на основе простого разговора документ составил?

Самое смешное, что ФАНО же уже пишет в РАН: «Товарищи, просим высказаться по такой-то тематике и такой, по медицинской, например». Чего же вы пишете? Мы что, будем собираться, болтать и издавать это потом? Понятно, что пишет ФАНО и в институты. Как оказалось, ФАНО у нас всё-таки и наукой занимается. И это естественно, и мы об этом предупреждали, потому что у кого финансы, тот и руководит (www.ras.ru/news/13.05).

В России стало некомфортно заниматься наукой

Таково мнение доктора исторических наук, члена-корреспондента РАН А. Иванчика. Он считает, что Академия давно вызвала раздражение власти. Главная причина этого была в неполной её подконтрольности и управляемости.

Общим местом в научной среде является тот принцип, что руководство наукой должно осуществляться на основе самоуправления и что учёными должны руководить учёные, а не чиновники. Человек, который некомпетентен в области науки (даже если он хороший управленец), не может и не должен руководить наукой. В этом сходятся все учёные, разногласия касаются путей реализации этого

принципа. И это общемировой принцип.

Чиновники, желающие руководить всем, с этим принципом не согласны и стремятся подчинить себе и научные структуры — как у нас, так и за границей. Между учёными и чиновниками идет постоянная борьба, и в разных странах они представлены в управлении наукой в разных пропорциях, но в целом в мире победа остается за учёными — просто потому, что чиновничье руководство губит науку, и те страны, которые хотя бы её сохраняют, от него отказываются.

В СССР Академия наук была, скорее всего, единственным важным учреждением, где были реальные выборы, результат которых не был предрешён. Поскольку государство нуждалось в учёных и чувствовало свою зависимость от них, главным образом, конечно, от физиков, которые делали атомное оружие, оно позволяло им больше, чем остальным гражданам, и давало относительную свободу. Физики до сих пор в РАН остаются авангардом в этом отношении.

Второй причиной был интерес власти к собственности РАН. Пока собственность в руках Академии, с ней ничего нельзя сделать, передав же её в руки агентства, входящего в правительство, эту собственность легко «оптимизировать».

Наконец, есть причина идеологическая. У Академии были довольно серьёзные «идейные» противники, которые считали, что это неправильная система организации науки, и всё должно быть как на Западе. К этой группе принадлежат выходцы из академической среды, в первую очередь А. Фурсенко и Д. Ливанов — бывшие учёные. У них довольно превратные и упрощённые представления о том, как устроена наука на Западе. Для них существует только одна модель — американская, где чисто научных институтов, занятых фундаментальной наукой, действительно очень мало, почти всё происходит в университетах. Но, скажем, про европейскую модель они не знают совсем ничего и игнорируют её, хотя она гораздо ближе к нам, и именно европейский опыт следовало бы использовать. А в европейских странах научные организации, сходные с РАН, играют большую роль.

В чем отличие ФАНО от Академии? Главное в том, что ФАНО состоит из чиновников и всё его руководство назначается. Это принципиальная позиция, выразившаяся и в назначении первого руководителя М. Котюкова, который в науке не работал никогда, а был раньше замминистра финансов. Таким образом, самоуправление отменено как принцип. Тот принцип, который лежит в основе научной организации, — учёными руководят учёные — ушёл, и теперь учёными руководят чиновники.

Результат этого решения очевиден: компетентность принимаемых решений падает. Одновременно происходит бюрократизация. Объём бумаг и уровень бюрократизации обратно пропорциональны уровню компетентности. Чем меньше чиновник понимает в руководимой им области, тем больше он требует бумаг от своих подчинённых, которые должны объяснять на понятном ему языке, что они делают, и что вообще происходит. Поэтому начали придумывать всё новые и новые формальные и часто недействующие показатели. Все директора институтов, с которыми мне довелось говорить в последнее время, жалуются, что за первые четыре месяца существования новой системы объём бумаг вырос безумно — нужно подавать справки и писать нелепые отчёты, давать все новые и новые сведения, причём часто одно и то же в разных, но жестко регламентированных формах. Несколько раз в неделю, а то и в день приходит письмо от ФАНО, на которое нужно немедленно отвечать. А когда наукой заниматься? Время, которое учёные могли бы посвятить работе, они посвящают отчётам. А для чиновников это привычный модус жизни и деятельности, они иначе не умеют. Это главный вред, который происходит от реформы. При этом в выигрышном положении оказываются те, кто умеет писать отчёты и «накручивать» требуемые чиновниками формальные показатели — а это очень часто совсем не те, кто ведет лучшие исследования.

В стадии обсуждения новый устав институтов. И он тоже в очень плохую сторону меняет ситуацию. Раньше в институтах большую роль играл учёный совет, избравшийся научными сотрудниками, и никакое серьёзное решение без учёного совета директор принимать не мог. Сейчас в предлагаемом модельном уставе учёный совет упоминается, но права его работы и объём полномочий оставлены на усмотрение директора. То есть само-

управление исчезает на всех уровнях.

РАН и ФАНО — это две структуры, полномочия которых разделены недостаточно чётко. Конечно, всё это можно отнести к издержкам переходного периода. Однако с такого рода издержками легко мириться, если есть уверенность в том, что, перетерпев их какое-то время, в результате получишь значительное улучшение ситуации. Такой уверенности, однако, ни у кого нет. Кроме того, количество и масштаб этих издержек показывают, насколько непродуманной была эта реформа и в какой спешке она проводилась.

Одно из новшеств реформы, очевидно направленное на дискредитацию и уничтожение Академии, — это слияние РАН с Академией медицинских наук и Академией сельскохозяйственных наук, входящими в число пяти отраслевых или, как иногда говорят, «малых» академий. Понятно, что РАН по своему престижу и научному уровню несравнима с этими «малыми» академиями. Теперь по закону они все сливаются в одну. Академия и так уже была слишком большой (1200 членов), а теперь их число увеличится вдвое. Соответственно, это очень большая организация, совершенно неуправляемая, но зато голосующая как надо, потому что независимые люди теперь там в меньшинстве. Аграрии и медики по своему количеству почти равны всем остальным, что, естественно, будет играть большую роль при любом голосовании. Ситуация абсурдная, ведь это те науки, которые не являются фундаментальными, а РАН должна заниматься в первую очередь фундаментальной наукой. В итоге авторитет Академии резко падает, потому что качество академика снижается.

Главный итог реформы — в том, что в России станет и уже стало заниматься наукой менее комфортно. Наука генерирует новые знания. Ею занимаются люди, которые к этому имеют особый вкус и способности. Большая часть их занимается наукой, потому что им это нравится, это дело жизни, некоторые без этого не могут жить. Поэтому все 90-е годы, когда за науку ничего не платили, она продолжала существовать — люди продолжали заниматься любимым делом фактически бесплатно.

Наука в России не исчезнет. Но возрастает эмиграция, которая уже в 90-е годы была очень активной, выехали сотни тысяч и уже сложившихся учёных, и только формировавшихся. Люди уезжали главным образом потому, что оказывались перед выбором: менять ли профессию, оставаясь на Родине, или продолжать заниматься наукой за границей. В последнее время этот поток уменьшился, и некоторые даже стали возвращаться. Теперь отток опять усилится.

Если говорить о перспективах, то сейчас, конечно, очень многое зависит от М. Котюкова, руководителя ФАНО. Как личность он производит впечатление позитивное — хорошего управленца с живыми реакциями, заинтересованного в результатах своей деятельности, прислушивающегося к чужим аргументам. Если он понимает специфику новой для него научной сферы и хочет добиться здесь положительных сдвигов, ему придется вернуться к опоре на самоуправление учёных, на экспертную, а не формальную оценку научной деятельности. В этом случае он должен будет опираться на учёных, а не на чиновников, предоставить реальные полномочия и свободу действий Научно-координационному совету ФАНО, о котором говорится в законе, но который до сих пор не сформирован. Причём сформировать его из настоящих, активных учёных, пользующихся авторитетом в научном мире, не опасаясь того, что они могут стать по многим вопросам его оппонентами. Насколько Котюков при управлении ФАНО готов исходить из интересов науки, насколько он понимает роль научного самоуправления, насколько готов прислушиваться к мнению научного сообщества и насколько он свободен в принятии решений, станет понятно уже в самое ближайшее время (АПР Пресс ИА, www.ras.ru/news/14.05).

Профсоюз работников РАН о болячках переходного периода

Из интервью председателя профсоюза работников РАН В. Калинушкина после заседания Центрального комитета профсоюзов.

В числе проблем, серьёзно осложняющих жизнь институтов, собравшиеся назвали слишком медленное формирование аппарата ФАНО, в ведение которого перешли организации РАН. До сих пор не назначен руководитель Управления по взаимодействию с Российской академией наук и по обеспечению

деятельности Научно-координационного совета. Сам Совет тоже не создан.

Передача дел должным образом не налажена. Сотрудникам агентства, пришедшим в него работать не из РАН, только ещё предстоит ознакомиться со спецификой научной деятельности, а аппараты президиумов в центральной части РАН и в региональных отделениях уже втрое сокращены.

Тревожат учёных и новые тенденции в сфере оплаты труда. Их, в частности, насторожили заявления главы ФАНО о том, что директор каждой подведомственной агентству организации вправе устанавливать собственную систему оплаты труда и регулировать нормативную численность работников. Профсоюзникам удалось убедить руководство агентства, что это первый шаг к запрету на расщепление по доходам и к массовым сокращениям. Достигнута договоренность разработать единую систему оплаты труда, создана комиссия по её подготовке.

Задача не из простых — в РАН и РАСХН механизм формирования зарплаты принципиально отличался от РАН: он был, как в госорганах: маленькие оклады и серьёзные надбавки. Эта форма оплаты труда удобна для руководителей, она даёт им возможность держать подчинённых в кулаке. По мнению В. Калинушкина, в науке такая жёсткость вряд ли уместна.

Ещё один больной вопрос, по мнению лидеров профсоюза РАН — разработка профессиональных стандартов для учёных. На первый вариант документа, подготовленный фирмой, которую по конкурсу выбрал Минтруд, профсоюз написал отрицательный отзыв. Член Центрального совета профсоюза М. Митрофанов отметил, что он был очень сырым и больше походил на должностные обязанности сотрудника. Содержанию научной деятельности в тексте было уделено мало внимания, основной упор делался на соблюдение формальных правил. Например, был пункт о том, что учёный «обязан поддерживать бесконфликтные отношения в коллективе». Но если речь идет о рабочих спорах, то как без них можно обойтись в науке? Такие непрофессионально выполненные профессиональные стандарты могут стать инструментом отлучения людей от профессии. Решено было просить подключиться к разработке стандартов специалистов-правоведов из академических институтов (Поиск № 17, 25.04).

Мнение вроде утешительное

Прошла первая волна столкновений вокруг реформы и вокруг полномочий — именно о них в конечном итоге ведётся речь во всякой реформе. Прошла череда трений и утрясок. Настало время практического взаимодействия. Это не значит, что искр выбиваться больше не будет. Но это уже так, афтершоки, если сравнить с землетрясением. Вторичные толчки, в природе обычно затухающие. Однако первый результат уже очевиден: магнитуда была хоть и большой, но тотальных жертв и разрушений не случилось.

Прежде всего, конечно, благодаря вмешательству президента, который наложил мораторий на всяческие резкие ломки сложившегося порядка вещей, предложил всем потихоньку вживаться в новые формы и роли, чем сгладил углы и способствовал пусть настороженному, особенно поначалу, но диалогу. И заявленные первоначально цели обеих сторон постепенно трансформировались. В конце концов, рациональное начало взяло верх, и сейчас нащупывается новая формула существования отечественной науки.

Что же получается? Физически научные учреждения РАН ей теперь не подчиняются. Оперативным управлением институтов занимается ФАНО. Оно же, что называется, содержит их материально. Так что фундаментальная наука теперь из-под РАН вышла. И что же — она под ФАНО? Нет, отрицают здесь, мы, в общем, действительно только лишь менеджеры. В публичных и квазарах мало что понимаем, и на какой из них нацеливать «Радиоастрон» — решать не собираемся.

Но кто же тогда будет это решать? Э-э... РАН! Собственно, Академия будет и далее предлагать государственные программы фундаментальных научных исследований. И, в общем, в оценке их результатов её слово будет не последним. А именно на эти программы и будет выделять деньги государство в адрес ФАНО. А уж определять конкретику в этих самых квазарах — это дело научных работников. В крайнем случае — директора института.

(Окончание на стр. 12)